

НЕИЗМЕННОЕ СУЩЕСТВО ЛЮБВИ

Для чтения прозы Олега Павлова необходимо встречное усилие

Независимая газета, — 1998 — 30 июля — с. 7

Мария Ремизова

В СЕГО два рассказа представлено в новой порции «Записок из-под сапога» Олега Павлова («Москва», № 6) — «Лепота» и «Задумчивая песня», но по объему художественного впечатления они стоят иного современного романа. Словно опровергая самим фактом своего существования досужие домыслы о кризисе реализма, Павлов с неуклюжей неотвратимостью надвигающегося танка упрямо прокладывает свою колею в хлюпающей глине современной литературы. Павлова-прозаика часто смешивают с Павловым-частным человеком, отчего происходит много путаницы: попытки встроить его в ряд, в «направление» носят, скорее, умоуязвительный характер и служат удобству отдельного критика, самолично обнаружившего и ряд, и направление, с которыми Павлов — в силу обстоятельств его личной жизни — удобно рифмуется на данный момент.

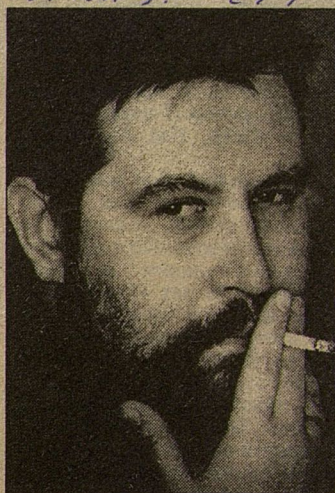
Павлов тем не менее стоял и продолжает стоять особняком, очень отдельным представителем своего собственного направления, безусловно, сугубо реалистического, без каких бы то ни было эпитетов из синонимического ряда к прилагательному «новый». Важным свойством Павлова-писателя является феноменальная медлительность, определяющая качественные характеристики его прозы. Практически все, что опубликовано им до сих пор, умещается в рамки единой армейско-казарменной темы. Зато копают ее он не впригляд, не вприскок, а основательно и всерьез. Что позволяет проложить пресловутое «второе дно», единственно способное придать глубину что короткому, что длинному тексту.

Тяготение, часто нарочитое, к инверсированной фразе, где сказуемое плавно, но верно отплыва-

ет в конец — на это место в русском языке падает логическое ударение, — не только свидетельствует о специфической роли глагола в общей конструкции текста, но и создает особую текучую вязкость речи, которая, действуя во многом сродни заунывному шаманскому заклинанию, обволакивает чужеродное сознание читателя и почти насильно увлекает и погружает его в материю текста.

Что выгодно отличает прозу Павлова от поделок подавляющего большинства современных литераторов, так это отсутствие позы и униженного фиглярства перед зеркалом с заведомой уверенностью, что кто-то при этом подглядывает за тобой в щелку. Павлов не боится показаться слишком серьезным во время общей двусмысленности и шутовского декаданса. Возникает подозрение, что он действительно пишет не о себе (эгоизм современной литературы уже не просто рак, а рак с метастазами). И если он и знает какую-то истину, то имеет такт ее не высказывать, оставляя за литературой право существовать отдельно от математики.

«Лепота» — это рассказ о том, как человек впервые переживает ощущение, осознает, что такое смерть. Человек, заметим, эту смерть наблюдающий ежедневно, ибо служит «конвойником» в особом лагере для чахоточных, которые мрут, как мухи, иные, даже не добравшись до лагеря, прямо в грузовике. Служба здесь — предмет зависти остальной солдатни, поскольку только в том и состоит, чтобы «гробы ихние из кузова в кузов ворочать». А кроме того, зеки — перед смертью-то! — очень выгодно менялись с конвойными разным зековским барахлом: фотками, крестами, колечками, даже золотыми зубами. Собственно, желание выменять колечко и толкнуло ефрейтора Стрешнева на тесное общение с умирающим на земле подле колес очередного грузовика зеком — не хватило но-

Прозаик Олег Павлов.
Фото Игоря Ивандикова

силок, вот он и лежал под дождем, дожидаясь своей очереди, уже чувствующий подступающий конец, но судорожно цепляющийся за последнюю, почти уже мнимую «фактуру» жизни. Очень боялся остаться один на один со смертью, вот и морочил голову ефрейтору немислимыми обещаниями, лишь бы тот не бросил под дождем, не ушел, а, умирая, попросил наклониться и оставил в протянутой за «колечком» ладошью ефрейтора свой прощальный кровавый харчок. И ефрейтор вдруг до паники, до настоящей горячки, с которой свезли его наутро в больничку, испугался собственной смерти, потому что впервые понял, точнее, почувствовал, сколь хрупка и преходяща плоть человека.

«Задумчивая песня» — о безнадежности и тоске, но прежде всего о любви. Эта любовь не имеет выхода, поскольку направлена от отца к слабоумному сыну, который не может никак на нее ответить. Этот сын прапорщика, чье рождение положило предел жизни его матери, почти всю свою жизнь просидел в каптерке, «где

так диковинно пахло вокруг исподним бельем, портянками, мылом, что он утихомиривался и канючить переставал». Оставлять бедного дурачка дома одного прапорщик боялся, зато и «в дом особый не отдал, хотя сынок не человек рос, а так». На беду, купил ему однажды гармошку — это был порыв какого-то внутреннего, кем-то поруганного чувства, словно ему вдруг потребовалось материальное доказательство собственной любви, и одновременно жалкий жест самообмана, будто сын у него, как у всех. Гармошка же и сыграла роковую роль: дурачок полюбил ее, не расставался с ней ни на минуту и научился извлекать из нее жуткие звуки, сопровождающая музыку собственным воем. Сослуживцы, до того терпевшие дурное существо в неполюбованном месте, естественно, встали на дыбы. Кончилось тем, что прапорщику пришлось выбирать — запереть сына дома либо увольняться со службы. Он выбрал первое, и через малое время сын выпал из окна и насмерть убили. Похоронив его и закончив жалкие поминки, ефрейтор сел у окна, и понеслись над степью стоны гармошки и человеческого воя, который вскорости подхватили лагерные овчарки. Но странным образом эта нарочитая безнадега никак не отменила существа любви, она только обозначила несовершенство бытия, но не поставила роковой точки.

Павлов не делает однозначных выводов, тем паче не пишет приговоров и уж тем более не навязывает концепций. Суть его метода — в наблюдении за извилинами и воронками жизненного потока, который сам, будучи переоформленным в плоть литературного текста, должен обрести смысл, но смысл не утилитарный, не любовной, но трудноуловимый и неоднозначный. Точнее, уловимый при определенном встречном усилии, которого невозможно добиться от слабоумного, дурачка, но можно ждать от читателя. Вообще от человека.